

УДК 94+39

ПОЧЕМУ ЧИНОВНИЧЕСТВО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НЕ СТАЛО БЮРОКРАТИЕЙ?

Р.Ю. Почекаев, кандидат юридических наук;

Л.Ф. Абзалов, кандидат исторических наук

Бюрократия определяется как «специфическая форма социальных организаций в обществе (политических, экономических, идеологических и др.), существо которой заключается, во-первых, в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства членов этой организации, во-вторых, в главенстве формы над содержанием деятельности этой организации, в-третьих, в подчинении правил и задач функционирования организации целям ее сохранения и укрепления»¹. Думается, применительно к историко-правовой сфере можно определить стиль управления как бюрократический в том случае, когда наблюдается расширение полномочий чиновничье-бюрократического аппарата, сопровождающееся формированием особой, замкнутой и иерархизированной прослойки общества, власть которой нередко носила характер, довольно автономный от воли монархов.

Бюрократический строй существовал и в тюрко-монгольских государствах. Примерами его являются Монгольская империя при ближайших преемниках Чингис-хана, империя Юань в Китае, государство ильханов в Иране. Бюрократический строй в них характеризуется не только наличием сложной и разветвленной структуры чиновного аппарата, постоянно действовавшего в определенном месте (стационарно). Для этих государств была также характерна деятельность чиновников-временщиков (Елюй Чу-

цай, Рашид ад-Дин) и даже появление целых могущественных чиновных кланов, сосредоточивавших в своих руках крупные посты и передававших их по наследству (род Джувейни в Иране, династия Махмуда Йалавача в Чагатайском улусе, род Сейида Аджаля в Юань).

Ничего подобного не встречается в Улусе Джучи – Золотой Орде. Почему же в этом государстве, политико-правовое развитие которого во многом соответствовало развитию и империи Юань и, в особенности, государства ильханов в Иране, не сложилось собственной бюрократии, как в этих государствах? Почему нам неизвестны имена золотоордынских Елюев Чуцаев и Рашид ад-Динов?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проследить историю развития чиновного аппарата в Золотой Орде, проанализировать статус чиновников, их место в социальной структуре золотоордынского общества². Эти аспекты, насколько нам известно, до сих пор не привлекали внимания исследователей. Специалисты уделяли внимание изучению государственного аппарата (И.Д. Беляев, И.Н. Березин, Г.С. Саблуков), языку ханской канцелярии и формам делопроизводства (И. Вашари, А.П. Григорьев, М.А. Усманов, Ф.Ш. Нуриева), тогда как правовое положение чиновников и их роль в государстве чаще всего оставались за пределами их исследовательских интересов.

Полагаем, одной из главных причин отсутствия бюрократии в Золотой Орде стало *отсутствие бюрократических традиций в странах и регионах, которые вошли в состав Улуса Джучи*, – в первую очередь, в ключевых для нее Дешт-и Кипчаке и Волжской Булгарии. Учитывая достаточно высокий политический, социально-экономический и культурный уровень развития Волжской Булгарии, можно предположить наличие здесь определенных чиновничьих традиций. Однако по причине скудости письменных источников сказать что-либо определенное о бюрократических традициях Волжской Булгарии мы не можем³. Еще в меньшей степени можно говорить о развитом чиновном аппарате применительно к кипчакским ханствам – сама структура и социально-экономический уклад их кочевого общества не предполагали наличия формализованного аппарата управления⁴. Гораздо более развитым в этом плане был еще один стратегически важный для Золотой Орды регион – Хорезм, однако его отдаленность от центральных регионов Золотой Орды не позволила богатым и развитым хорезмийским традициям существенно повлиять на золотоордынскую государственность в целом.

Следует принять во внимание, что первоначально чиновники, исполнявшие управленческие функции в Золотой Орде и вассальных ей государствах, являлись служащими не золотоордынских правителей, а монгольского хана, являвшегося их верховным сюзереном⁵. В этих условиях становится понятным, почему в самой Золотой Орде изначально не был сформирован собственный многочисленный и разветвленный чиновный аппарат.

Позднее, когда Золотая Орда приобрела статус независимого государства и в составе ее аппарата управления появились собственные чиновники, их значение оставалось сравнительно небольшим, поскольку кочевая часть населения Улуса Джучи была преобладающей и ее представители пользова-

лись в государстве большим влиянием, нежели представители оседлой части населения. В связи с этим не было необходимости в наличии значительного штата чиновников с широкими полномочиями. Подтверждением этого нашего предположения служит тот факт, что когда в начале первой половины XIV в. городская инфраструктура Золотой Орды получила значительное развитие, в государстве, и в самом деле, начал функционировать мощный чиновный аппарат⁶. Однако уже во второй половине XIV в. Золотую Орду сотрясали сначала многолетняя гражданская война (в русских летописях – «замятня великая», 1360–1370-е гг.), а затем – и серия иноземных походов, которые привели к упадку городской инфраструктуры. В результате развитые традиции чиновнической деятельности в Улусе Джучи просто-напросто не успели сложиться.

Второй причиной отсутствия бюрократии в Золотой Орде мы считаем *иноземное происхождение золотоордынских чиновников, в силу которого они не смогли стать «своими» для золотоордынской знати и населения, сохранив обособленное положение*.

Представители тюрко-монгольской знати не имели возможности сформировать аппарат управления из числа своих сородичей, поскольку те в большинстве своем не знали грамоты и делопроизводства. В связи с этим им приходилось изначально привлекать в качестве чиновников выходцев из стран с развитой бюрократической традицией. Источники сообщают, что уже при первом золотоордынском правителе – Джучи, сыне Чингис-хана – были уйгуры-секретари (битикчи) (одним из них, в частности, был Куркуз, ставший впоследствии наместником великого хана в Иране⁷). Уйгуры составили значительную часть золотоордынского чиновничества. Впоследствии управленческий аппарат государства Джучидов пополнился за счет выходцев из мусульманских стран и регионов – в первую очередь, из Ирана и Хорезма⁸.

На протяжении всей истории этого государства чиновники так и не «срослись» ни с правящей верхушкой, ни с местным населением, по всей видимости, навсегда оставшись в их глазах «чужими», «пришельцами». Золотоордынское чиновничество представляло собой довольно замкнутую «корпорацию», базировавшуюся на системе собственных ценностей, можно даже сказать – имеющую собственную субкультуру. Это отражалось в сохранении определенных культурных и, возможно, религиозных ценностей, которые так и не были ассимилированы тюрко-монгольской культурой Золотой Орды, а также, возможно, и в преемственности чиновничьих постов. Есть основания полагать, что чиновничьи должности передавались от отцов к сыновьям, наследовавшим отцовские знания и ценностные ориентации. Сведения о передаче чиновничьей должности от отца к сыну, обладавшему соответствующими знаниями, содержатся у Джувейни (правда, случай, упомянутый персидским историком, имел место в Иране, а не в Золотой Орде)⁹.

Наиболее ярко сохранение «корпоративных» ценностей проявилось в уйгурской части чиновничества. Археологические исследования последних лет позволяют утверждать, что еще в XV в. в Золотой Орде существовала значительная буддийская диаспора – на территориях, некогда входивших в состав Улуса Джучи, обнаружено немало захоронений ордынского времени, выполненных в буддийских традициях. Вполне вероятно, что эти захоронения в большинстве своем могли принадлежать уйгурским чиновникам или членам их семей. Соблюдение буддийских канонов захоронения свидетельствует и об относительной замкнутости этой профессиональной группы¹⁰.

Высокий профессионализм уйгурских чиновников отмечается и современниками, и последующими исследователями. Их деятельность считалась своеобразным эталоном для чинов-

ников, примером для подражания. Так, например, Ата-Малик Джувейни писал (правда, осуждая современные ему нравы): «Они считают уйгурский язык и письменность вершиной учености»¹¹. В результате, несмотря на активное привлечение к управленческой деятельности мусульманских чиновников, делопроизводство Золотой Орды навсегда сохранило четкость, лаконичность и, можно сказать, некоторую сухость уйгурской делопроизводственной традиции и уйгурского канцелярского стиля. Примечательно, что этот стиль употребляется также и в документах постордынских государств (в частности, в сохранившихся до нашего времени актовых материалах Крымского, Казанского и Сибирского ханств), несмотря на то, что они в большей степени стали ориентироваться на мусульманский тип государственности.

Таким образом, на протяжении почти всей истории Золотой Орды ее делопроизводство базировалось на традициях, созданных чиновниками-уйгурами. При некоторых ханах (как например, при Токте и в начале правления Узбека) уйгуры-буддисты (по-видимому, представители духовенства и чиновничества) даже пользовались значительным влиянием и занимали видное положение при ханском дворе, что нашло отражение в восточных средневековых сочинениях. Так, например, арабский автор ал-Бирзали пишет, что Токта «любил уйгуров, т.е. лам и волшебников и оказывал им большой почет»; Ибн Касир также отмечает, что Токта «любил лам»¹². Хивинский автор XVI в. Утемиш-хаджи упоминает о «неверных колдунах и неверных жрецах», пользовавшихся влиянием в начале правления Узбека¹³. Когда хан Узбек установил ислам в качестве государственной религии Золотой Орды, позиции буддийского духовенства и видных чиновников-уйгуров, по-видимому, существенно пошатнулись, и многие из них подверглись преследованиям, о чем упоми-

нают средневековые арабские авторы. Так, например, вышеупомянутый ал-Бирзали сообщает, что Узбек «умертил большое количество уйгуров, т.е. лам и волшебников»¹⁴.

Однако уровень профессионализма уйгурских управленцев был столь высок и общепризнан, что чиновники-исполнители, по-видимому, сохранили должности и продолжали исполнять свои служебные обязанности и при Узбеке, и при его преемниках. В сохранившихся до нашего времени золотоордынских ярлыках, изданных при хане Узбеке и позднее, в качестве их составителей указаны как катибы (писцы-мусульмане), так и бахши (писцы-уйгуры).¹⁵ Документы уйгурского письма известны, как минимум, до 1420-х гг.: вспомним, например, забавный эпизод из истории золотоордыно-египетской переписки, когда в Египет было доставлено послание хана Улуг-Мухаммада, которое никто не смог прочесть, поскольку среди египетских чиновников не оказалось ни одного, владевшего уйгурским языком¹⁶.

Уйгуры, по-видимому, стали в какой-то степени заложниками собственного профессионализма: являясь превосходными «техническими исполнителями» (составителями документов, организаторами делопроизводственной работы), они практически никогда не привлекались к более широким управленческим функциям – управлению областями, сбору налогов и пр.¹⁷ Уйгуры же так и оставались служащими (или даже руководителями) канцелярии, управленцами среднего звена, тогда как более высокие должности занимали и более разнообразные функции выполняли чиновники-мусульмане или же представители тюрко-монгольской аристократии.

Что касается мусульманской части золотоордынского чиновничества, то у ее представителей было больше шансов выдвинуться, чем у их уйгурских коллег. Прецеденты головокружительной карьеры иностранных чиновников

в мусульманских государствах широко известны – так, высшие государственные посты в Багдадском халифате или Сельджукском султанате нередко занимали иностранные (чаще всего персидские) чиновники: можно упомянуть, в частности, сановную династию Бармакидов при халифе Харуне ар-Рашиде или везира Низам ул-Мулка при сельджукском султани Маликшахе. Чиновники-мусульмане играли заметную роль и в государствах Чингизидов. Нам хорошо известны имена хорезмийца Махмуда Йалавача и его сына Масуд-бека, создавших целую династию наместников Чагатайского улуса или бухарскую сановную династию Сейида Аджала, представители которой управляли рядом областей в империи Юань¹⁸.

Причины выдвижения мусульманских чиновников в мире ислама и в тюрко-монгольских государствах были различны. Так, в Халифате или государстве Сельджуков возвышение иноземных чиновников может быть объяснено тем, что они были, в первую очередь, мусульманами, а уже во вторую – персами, тюрками, арабами и пр. Таким образом, «чуждое» с национальной точки зрения происхождение иностранных чиновников с лихвой компенсировалось приверженностью к той же вере, к какой принадлежали правители и большинство населения этих стран¹⁹. В Монгольской же империи и империи Юань иноземные мусульманские чиновники делали значительную карьеру по той причине, что иностранцы в принципе пользовались преимуществами по сравнению с местным населением. Особенно ярко это проявилось в империи Юань, где китайское население официально имело статус «людей второго сорта» по сравнению с монголами и выходцами из мусульманских стран.

Такого не могло быть в Золотой Орде, несмотря на то, что и в ней иностранцам был предоставлен режим наибольшего благоприятствования²⁰. Впрочем, ислам в этом государстве даже

после религиозной реформы Узбека не стал основным объединяющим фактором, и местное население вплоть до падения Золотой Орды являлось совокупностью представителей монгольских, тюркских и иных племен, населявших ее территорию. И уже во вторую очередь они считали себя мусульманами, либо представителями других конфессий. Во-вторых, иностранцы в Золотой Орде не могли добиться такого влияния, как, например, в империи Юань, поскольку этого не допустила бы местная тюрко-монгольская аристократическая верхушка, которая отнюдь не собиралась делиться властью ни с кем, и в особенности – с иностранными чиновниками.

Тем не менее исламизация Золотой Орды, казалось, открыла чиновникам-мусульманам новые перспективы для карьерного роста и увеличения их влияния в государстве. После того как хан Узбек сделал ислам государственной религией, а к своему ханскому титулу добавил еще и мусульманский титул султана, исламские управленческие институты заняли значительное место в административной системе Золотой Орды. Это подтверждается, в частности, ханскими ярлыками, в которых наравне с представителями тюрко-монгольской администрации начинают упоминаться кадии, муфтии и другие представители мусульманских административных структур²¹. Упоминание их в ярлыках свидетельствует о том, что мусульманские чиновники получили определенные полномочия или привилегии в сфере управления и налогообложения – не случайно в тарханных ярлыках им предписывается воздерживаться от действий в отношении пожалованных лиц (тарханов), следовательно, в отношении непривилегированной части населения они такие действия могли совершать. Тем не менее и мусульманские чиновники не сумели добиться значительного влияния в политической жизни Золотой Орды, что объясняется третьей из выделенных нами причин – *полной зави-*

симостью чиновного аппарата от ханов Золотой Орды (или их областных наместников, если речь идет о региональной администрации).

Даже высшие представители чиновничества в Золотой Орде были в полной мере подчинены хану и целиком и полностью зависели от его расположения. Рассмотрим это на примере статуса везира, который являлся фактически министром финансов и начальником ханской канцелярии. До недавнего времени считалось, что пост везира обычно занимал один из карачи-беев – виднейших предводителей тюрко-монгольской кочевой аристократии, следующий по значению после бекляри-бека (военного министра Золотой Орды)²². Однако мы считаем такое мнение ошибочным: к везиру предъявлялись слишком специфические профессиональные требования, которыми не обладали степные аристократы. В персидском сочинении середины XIV в. «Дастан ал-Катиб» приводится образец ярлыка о назначении на должность визиря, содержащий довольно подробное описание его прав и обязанностей. Он осуществлял надзор за всеми диванами, особенно за диваном государственной казны, а также за ханскими мастерскими (карханэ), конюшней и кухней²³. Для исполнения таких обязанностей везир должен был обладать компетентностью в вопросах экономики и управления и поэтому, скорее всего, принадлежал не к военной знати, а к бюрократическим кругам. Кажется, единственным везиром тюркского или монгольского происхождения (судя по имени) был Сарай-Тимур, занимавший этот пост при хане Бердибеке, однако он получил свой пост благодаря близкому родству с ханским домом, поскольку являлся двоюродным братом хана Узбека (деда Бердибека) по материнской линии²⁴. Другие же золотоордынские везиры, имена которых нам известны, были мусульманскими чиновниками – у Берке везиром был перс Шараф эд-Дин ал-Казвини; у Джанибека – Хусам

эд-Дин Махмуд по прозвищу «Диванный»²⁵.

Однако занятие должности везира, несмотря на ее значимость, все же не означало, что чиновник, занявший ее, автоматически становился одним из самых влиятельных деятелей в Золотой Орде. Это прямо отмечается арабским энциклопедистом ал-Омари, который сравнивает значение везира в персидском государстве Хулагуидов и Золотой Орде. Так, согласно этому автору, в Иране «Решают же дело не иначе как через визиря, а визирь решает дело без них, отдает приказания наместникам их и вписывает имена их (в ярлыки). Визирь настоящий султан (sic! – *Р. П.*), единовластно распоряжается денежной частью, управлением и смещением их, даже в самых важных делах, (точно так) как беклярибек распоряжается единолично в деле войсковом»». Сравнивая Иран с Золотой Ордой, ал-Омари отмечает, что в последней «Управление султана... (такое же как) управление государством Ирака и Аджема, относительно числа эмиров, узаконений и службы, но здесь... у начальника улуса и у визиря нет (такого) права распоряжаться по своему усмотрению, как у начальника улуса и у визиря в том (Иранском) государстве...»²⁶.

Везиры (или чиновники, занимавшие аналогичные должности в государствах, где институт везирата отсутствовал) в ряде государств Чингизидов нередко становились всемогущими временщиками: примеры тому – Елюй Чу-цай и Абд ар-Рахман при Угедэе и Туракине в Монгольской империи, Сад ад-Доула и Рашид ад-Дин в государстве ильханов. В Иране такой статус везира был закреплен официально, в ханских ярлыках, в которых предписывалось «считаться с его мнением и совершенными мыслями в мероприятиях по устройству дел страны, в (установленных) правилах царства, веры и основ законов государства... (Нельзя) отклоняться ни на (один) волосок от его слов и совета в общественных де-

лах, в которых (заключено) благо для народов»²⁷. Помимо везира, в Иране весьма широкими полномочиями обладал и глава дивана – улуг-битикчи: гражданские и военные чиновники всех уровней обязаны были именно с ним (а не с ханом!) согласовывать свои управленческие решения²⁸. Совсем иная ситуация складывалась в Золотой Орде, особенности статуса канцелярской службы которой мы считаем еще одной причиной того, что джучидским чиновникам так и не удалось стать всемогущей бюрократией.

Ни один хан Золотой Орды не представлял везиру и тем более улуг-битикчи таких значительных полномочий, как правители Монгольской империи, Чагатайского улуса или Ирана. Вероятно, в первую очередь, это было связано с влиянием могущественных тюрко-монгольских кланов, глава которых, бекляри-бек, обычно и являлся фактическим правителем при слабом золотоордынском монархе (тогда как при сильном – вторым лицом в государстве). Кроме того, чиновный аппарат в Золотой Орде всегда являлся не самостоятельным управленческим институтом, а лишь группой профессионалов, обслуживавших управленческую деятельность хана или областных правителей.

Именно поэтому канцелярия всегда находилась при хане или наместнике области под их постоянным контролем и не вела дела в его отсутствие. Нормативные акты всегда также подписывались самим ханом или наместником, а не отдавались «на откуп» чиновникам, как это было, например, в Монгольской империи. Так, например, известно, что регентша Туракина выдавала временщику Абд ар-Рахману пустые бланки с уже поставленной на них ханской тамгой, и он мог вписывать туда какие угодно решения; а ее сын Гуюк даже не смотрел приносимые ему на подпись документы²⁹. В государстве Хулагуидов у везиров была даже собственная тамга, которой они заверяли документы³⁰. Золотоордынские ханы и

наместники всегда сами «визировали» документы, издававшиеся от их имени и, таким образом, именно они принимали окончательное законодательное или управленческое решение³¹. По некоторым сведениям, в ханской кочевой ставке даже имелся собственный монетный двор³², так что постоянное пребывание при ней и ханской канцелярии выглядит вполне логичным и последовательным. Таким образом, чиновный аппарат являлся «мобильным институтом», неразрывно связанным с ханом или наместником области и постоянно находившимся при нем. Нам не известно ни одного сообщения источников о том, что канцелярия или диван в Золотой Орде действовали в отсутствие хана или в период междуцарствия, когда ни хана, ни регента не имелось – а ведь это стало бы главным доводом в пользу существования бюрократии!³³ Напротив, согласно сведениям Ибн Баттуты, работа чиновников осуществлялась в приемной их начальника – арабский путешественник сообщает о том, как чиновники судебного ведомства работали в Хорезме: «... каждый день кади приходит в его (эмира Тимур-Кутлуга, наместника Хорезма. – *Р.П.*) приемную и садится на отведенное ему сиденье; вместе с ним [являются] праведы и писцы. Насупротив его садится один из старших эмиров, при котором восемь [других] старших эмиров и шейхов тюркских, называемых аргуджи [яргучи]; к ним люди приходят судиться. Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же [дела] решают эти эмиры»³⁴.

Как известно, каждый новый хан, вступая на трон, обычно менял весь высший аппарат управления путем издания ярлыков, которыми подтверждал или отменял назначения, сделанные его предшественником. Даже если сановники, назначенные прежним монархом, и сохраняли свой пост, все равно формально они заново утверждались в должности новым

ханом. Надо полагать, это относилось и к чиновникам – по крайней мере, к руководителям ханской канцелярии и диванов, т.е. везирам и битикчи: они должны были получить от нового хана свой пост и, следовательно, их карьера целиком зависела от расположения к ним хана. И «рычагов давления» на него, как у представителей кочевой аристократии, у чиновников не было по причинам, рассмотренным выше.

Мало исследован вопрос о том, как оплачивался труд золотоордынских чиновников³⁵. Однако полагаем, что и этот аспект делал их зависимыми от ханов и их воли. В Европе чиновники, независимо от положения властей, получали постоянно жалование³⁶. Чиновники Золотой Орды, по-видимому, существовали за счет вознаграждений, которые получали за свои действия от тех, в чьих интересах эти действия совершались³⁷. В европейской правовой традиции подобная практика считалась взяточничеством, однако на Востоке она была широко распространена и вполне легитимна³⁸. А поскольку окончательное решение по любому управленческому вопросу оставалось за ханом или наместником области, то те, кто готов был платить чиновникам за их действия, были заинтересованы в обращении к ним, если могли быть уверены, что хан (или наместник) одобрит действия чиновников. Соответственно, если хан отсутствовал или его просто не было (в период междуцарствия), чиновники не могли гарантировать просителям легитимность своих действий, а соответственно, не могли и рассчитывать на вознаграждение.

Тесную зависимость чиновничества от золотоордынских монархов подтверждает и тот факт, что с упадком централизованной ханской власти наблюдается и упадок чиновничества, кризис управленческих органов, снижение количества чиновников. Такие ситуации имели место во время длительной гражданской войны в Золотой Орде 1360–1370-х гг., а также во второй

трети XV в., когда Улус Джучи окончательно распался на ряд независимых государств. На это указывает, в частности, значительное снижение числа канцелярских актов, фактическое исчезновение из употребления целых категорий ханских ярлыков и других нормативных актов: с конца XIV – начала XV вв. ханские канцелярии составляют преимущественно тарханские и суйургальные грамоты³⁹. Когда же в 1380 г. на трон вступил хан Токтамыш, объединивший Золотую Орду после смуты, а на рубеже XIV–XV вв. у власти находился могущественный временщик Едигей, также борющийся за централизацию власти в Джучидском государстве, наблюдалось некоторое возрождение и чиновного аппарата,

увеличение числа его представителей. Однако с окончательным расколом и упадком Золотой Орды разрушается и его чиновный аппарат.

Что же касается статуса чиновничества в постордынских государствах, в частности в Казанском и Крымском ханствах, то оно сохранило значительную часть золотоордынских традиций канцелярии и делопроизводства (что, в первую очередь, отразилось на языке и стилистике актовых материалов этих ханств, но при этом было организовано и функционировало в большей степени в соответствии с мусульманской, а не тюрко-монгольской традицией, так что его статус существенно отличался от статуса чиновников Золотой Орды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая Советская энциклопедия. Т. 4. М., 1971. – С. 209.

² Сразу считаем целесообразным оговорить, что речь пойдет именно о чиновниках гражданских, т. е. канцелярских работниках ханов или наместниках областей, а не о военно-административном аппарате (бекляри-бек – темники – тысячники – сотники и пр.), который формировался и действовал на совершенно иных принципах.

³ История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006. – С. 139–150.

⁴ См.: *Плетнева С. А.* Половцы. – М., 1990. – С. 110 и след.

⁵ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. – СПб., 2002. – С. 222–226.

⁶ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. – С. 101, 121–122.

⁷ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. – М.; Л., 1952. – С. 142.

⁸ См. подробнее: *Абзалов Л. Ф.* Формирование канцелярской службы в Улусе Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2009. – С. 176.

⁹ Чингисхан. История Завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. – М., 2004. – С. 374.

¹⁰ *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М., 2009. – С. 204 и след.

¹¹ Чингисхан. История Завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. – С. 6.

¹² История Казахстана в арабских источниках. Т. I: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. Алматы, 2005. – С. 143, 205. Были высказаны предположения, что сам хан Токта и его тесть (по другим сведениям – дед) Салджидай-гурген сами были буддистами, см.: *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды. – С. 199–200.

¹³ *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме / Пер., примеч., исслед. В. П. Юдина. – Алма-Ата, 1992. – С. 105.

¹⁴ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 144.

¹⁵ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. – СПб., 2002. – С. 71, 74.

¹⁶ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 376.

¹⁷ Единственное, известное нам, исключение – карьера уйгура Куркуза, «секретаря» Джучи, который в правление Угедэя стал наместником Хорасана, см.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. – М.; Л., 1960. – С. 46, 123.

¹⁸ См.: История Казахстана в персидских источниках. Т. I: Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введ., пер. с араб-перс., коммент. Ш.Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы, 2005. – С. 127–130; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. – С. 179, 194–195.

¹⁹ Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в средневековой Европе, где чиновники иностранцы могли добиться высоких постов в любом государстве, поскольку в большинстве своем являлись представителями католической церкви, пользовавшейся одинаковым авторитетом во всех странах Западной Европы. См.: *Kim K. Aliens in Medieval Law. The origins of modern citizenship.* Cambridge, 2000. P. 60 и след.

²⁰ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Статус иностранцев в Золотой Орде (XIII–XIV вв.) // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: Материалы VIII международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2007 года Ч. II. СПб., 2007. – С. 370–371.

²¹ Считаю необходимым отметить, что самое раннее упоминание мусульманских чиновников в сохранившихся до нашего времени ханских ярлыках присутствует лишь в ярлыке Токтамыша Бек-хаджи, датированном 1380 или 1381 г., т.е. более чем полвека спустя после того, как Узбек сделал ислам государственной религией (*Григорьев В.В., Ярцов Я.О.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. № 1. 1844. С. 3; *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея. Казань, 1851. С. 15). В сохранившихся ярлыках и самого Узбека, и его преемников – Джанибека, Бердибека, Мухаммеда-Булака (Туляка) – мусульманские чиновники не фигурируют. Однако следует иметь в виду, что эти ярлыки сохранились лишь в переводах (латинских, итальянских, русских), тогда как ярлык Токтамыша – один из немногих золотоордынских документов, дошедших до нас в подлиннике. В связи с этим рискнем предположить, что в этих ярлыках также могли упоминаться кадии, муфтии и другие представители мусульманских административных институтов, но при переводе на иностранные языки они были объединены в одну группу с «писцами» в русских переводах и с «*offitali*» в итальянских, поскольку иностранные переводчики не видели необходимости выделять их среди других чиновников. Наше предположение подтверждается также и тем фактом, что в ярлыке Тимур-Кутлука, также дошедшем до нас на тюрки, представители мусульманских административных институтов также упоминаются (*Березин И.Н.* Тарханные ярлыки... С. 10; *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 20–21]. Аналогичные обращения к представителям мусульманских институтов мы находим в ярлыках персидского ильхана Газана, сделавшего ислам официальной религией в государстве Хулагуидов, см.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. – М.; Л., 1946. – С. 238, 256, 273.

²² См., например: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов... С. 129, 208; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 339–340; *Schamiloglu U.* The Qaraqz Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1984. Vol. 4. P. 289.

²³ *Мухаммед Нахчивани*. Руководство для писца при определении сановных степеней // Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII – XIV вв. – Ашхабад, 1986. С. 107–109. См. также: *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С. 99; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – М., 1966. – С. 105.

²⁴ История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М.Х. Абусейтовой, Ж.М. Тулибаевой. Алматы, 2006. – С. 203.

²⁵ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 75, 257.

²⁶ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. – С. 169, 186.

²⁷ *Мухаммед Нахчивани*. Руководство для писца... – С. 109–110.

²⁸ *Мухаммед Нахчивани*. Руководство для писца... – С. 110–111.

²⁹ *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965. С. 86; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. – С. 120.

³⁰ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III. – С. 276

³¹ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. С. 169. См. также: *Алишев С. Х.* Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. – Казань, 2009. – С. 114.

³² См.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 109; *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003. С. 36. Ср.: *Гончаров Е.Ю.* Очерк монетного дела в улусе Джучи на рубеже 770-х – 780-х гг. х. Нумизматический комментарий к книге И.М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Тр. Междунар. нумизматических конф. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М., 2008. – С. 58–59.

³³ Ярким примером бюрократического института является парижский парламент эпохи Столетней войны, который в первой трети XV в. продолжал свою работу и при безумном Карле VI, и во время английской оккупации Парижа, и в период, когда во Франции вообще не было короля, см.: *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 32–36. Подобная ситуация в Золотой Орде была бы просто-напросто невозможной, поскольку никаких собственных властных полномочий у чиновного аппарата не было.

³⁴ Цит. по: *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988. – С. 76.

³⁵ Собственно, нам известна лишь одна работа, в которой предпринята попытка исследовать этот вопрос: *Пономарев А.Л.* Структура распределения доходов среди населения Золотой Орды в 14–15 вв. // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. – М., 2000.

³⁶ Примером может служить тот же парижский парламент, члены которого во время Столетней войны даже в период, когда столица Французского королевства переходила из рук в руки, не только продолжали ежедневно участвовать в заседаниях, но и получали жалование, см.: *Цатурова С.К.* Офицеры власти... С. 36–41.

³⁷ Так, например, в «платежной ведомости» ханши Тайдулы, приложенной к ее письму венецианскому дожу (1359), предусмотрена «алафа», т.е. жалование армяни-ну-переводчику, участвовавшему в разборе запутанного судебного дела, см.: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов... – С. 206, 216.

³⁸ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Взятка или официальный сбор? К вопросу о подношениях представителям власти в тюрко-монгольских государствах // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань, 2009. – С. 177–178.

³⁹ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. – С. 65.

Аннотация

Авторы статьи задаются вопросом, почему чиновники в Золотой Орде не приобрели таких властных полномочий, какие были у чиновников в других государствах Чингизидов. Чтобы ответить на этот вопрос, авторы проводят исследование происхождения золотоордынских чиновников, их статуса и эволюции. Авторы приходят к выводу, что чиновники не смогли стать властной элитой в Золотой Орде по нескольким причинам: во-первых, на территории Золотой Орды не существовало развитой бюрократической традиции; во-вторых, сами чиновники были иностранцами; в-третьих, централизованная ханская власть и зависимость чиновников от нее также не позволяли им стать самостоятельной силой.

Ключевые слова: чиновники, бюрократия, статус, Золотая Орда, ильханы, империя Юань.

Summary

The authors of the article try to answer the question why the officials of the Golden Horde didn't have so much power as their colleagues in other Genghis Khanids' states. To answer it the authors examined the origin of the Golden Horde officials, their status and its evolution. As a result, authors name some reasons why officials didn't become authoritative elite of the Golden Horde: absence of bureaucratic traditions on the territory of the Golden Horde; foreign origin of officials; centralized power of the Golden Horde khans and strong dependence of officials from the khans.